

Научная статья

УДК 81'42:316.77

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-206-219>

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ГИБРИДИЗАЦИЯ РОСТОВА-НА-ДОНУ И ГОРОДОВ ЮФО: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СОВРЕМЕННЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ

**Надежда Петровна
Ревакина**

Донской государственный
технический университет
Ростов-на-Дону, Россия, nadinrev@ya.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5158-6118>

Аннотация. Настоящая работа посвящена изучению процесса прагмалингвистической гибридации, активно проявляющегося в Ростове-на-Дону и Ростовской области, а также в регионах Волгоградской области, Краснодарского края и городе-курорте Сочи, входящими в Южный федеральный округ (ЮФО). Этот процесс заключается в формировании новых интегративных форм коммуникации, возникающих вследствие воздействия множества факторов, среди которых – динамичная миграция населения, изменения социальной структуры и экономики, быстрое развитие городских территорий. Каждый из данных регионов имеет собственные особенности речевого поведения жителей, вписанные в общий контекст трансформаций языковой картины территорий.

В парадигме лингвопрагматической и культурной гибридности автор выдвигает и обосновывает тезис о том, что Ростов-на-Дону и города ЮФО представляют собой не просто поликультурную среду, а целостный гибридный феномен, в котором синтез разнородных культурных и языковых элементов (русских, украинских, донских казачьих, армянских, кавказских и др.) порождает уникальную коммуникативную систему и локальную идентичность. На основе прагмалингвистического, историко-культурологического и социолингвистического анализа выявляются ключевые этапы формирования гибридности. В Ростове-на-Дону, например, – от основания Темерницкой таможни до статуса «Ворот Кавказа» и современного южнороссийского мегаполиса. Делается вывод о том, что лингвокультурный гибрид Ростова-на-Дону и других городов ЮФО обладает высокой адаптивностью и служит моделью для изучения процессов межэтнической интеграции в пограничных регионах. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления культурного ландшафта современных российских регионов в терминах динамичной интеграции, а не статичного многообразия. Материалом исследования послужили исторические документы, топонимика, тексты локальных СМИ социальных сетей, городской фольклор, современные речевые практики в публичном пространстве городов. Гипотеза заключается в том, что прагмалингвистическая гибридность Ростова-на-Дону и городов ЮФО является не побочным продуктом их истории, а системообразующим принципом, определяющим их уникальную региональную специфику и адаптивный потенциал.

Ключевые слова: Ростов-на-Дону, города ЮФО, лингвокультурный гибрид, прагмалингвистика, языковой контакт, региональная идентичность, коммуникативные практики, поликультурная среда

Для цитирования: Ревакина Н. П. Прагмалингвистическая гибридация Ростова-на-Дону и городов ЮФО: исторические предпосылки и современные коммуникативные практики // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 206–219. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-206-219>

Сведения об авторе: Н. П. Ревакина – кандидат филологических наук, доцент кафедры Интегративная и цифровая лингвистика, Донской государственный технический университет, 344003, Россия, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1.

Scientific Article
UDC 81'42:316.77
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-206-219>

PRAGMALINGUISTIC HYBRIDIZATION OF ROSTOV-ON-DON AND THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT CITIES: HISTORICAL BACKGROUND AND MODERN COMMUNICATIVE PRACTICES

Nadezhda P. Revyakina

Don State Technical University
Rostov-on-Don, Russia, nadinrev@ya.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5158-6118>

Abstract. This paper examines the process of pragmalinguistic hybridization, which is actively taking place in Rostov-on-Don and the Rostov Region, as well as in the Volgograd Region, Krasnodar Krai, and the re-sort city of Sochi. All territories under consideration are part of the Southern Federal District. The pragmalinguistic hybridization process involves the emergence of new integrative forms of communication due to the influence of multiple factors, including active population migration, changes in social structure and economy, and rapid urban development. Each of these regions has its own distinctive characteristics of the residents' speech behavior, embedded in the overall context of transformations in the linguistic landscape of these territories.

Using the paradigm of linguopragmatic and cultural hybridity, the author advances and substantiates the thesis that Rostov-on-Don and the cities of the Southern Federal District represent not only a multi-cultural environment, but a holistic hybrid phenomenon in which the synthesis of diverse cultural and linguistic elements (Russian, Ukrainian, Don Cossack, Armenian, Caucasian, and others) generates a unique communication system and local identity. Based on pragmalinguistic, historical-cultural, and sociolinguistic analysis, the author identifies key stages in the formation of hybridity. In Rostov-on-Don, for example, such stages include the period from the founding of the Temernitskaya Customs House to its status as the 'Gateway to the Caucasus' and the modern southern Russian metropolis. The author concludes that the linguocultural hybrid of Rostov-on-Don and other cities of the Southern Federal District is highly adaptable and serves as a model for studying interethnic integration processes in border regions. The relevance of this study stems from the need to rethink the cultural landscape of modern Russian regions in terms of dynamic integration rather than static diversity. The research materials include historical documents, toponymy, local social media texts, urban folklore, and contemporary speech practices in urban public spaces. The hypothesis is that the pragmalinguistic hybridity of Rostov-on-Don and the cities of the Southern Federal District is not a byproduct of their history, but a system-forming principle that defines their unique regional characteristics and adaptive potential.

Keywords: Rostov-on-Don, the SFR cities, linguocultural hybrid, pragmalinguistics, language contact, regional identity, communicative practices, multicultural environment.

For citation: Revyakina, NP 2026, 'Pragmalinguistic Hybridization of Rostov-on-Don and the Southern Federal District Cities: Historical Background and Modern Communicative Practices', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (27), pp. 206–219, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-206-219> (in Russ.)

Information about the Author: Nadezhda P. Revyakina – PhD in Philology, Associate Professor of the Department "Integrative and Digital Linguistics", Don State Technical University, 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344003, Russia

Введение

Понятие гибридности, заимствованное из биологии и активно разрабатываемое в культурологических исследованиях (Х. Баба [1, с. 93], Н.Б. Мечковская [5, с.11]) становится ключевым для анализа сложных поликультурных пространств, в которых происходит не просто сосуществование, а глубинное взаимопроникновение и синтез различных культурных кодов. Крупные города-порты и транспортные узлы часто выступают естественными лабораториями такого синтеза. Ростов-на-Дону, исторически известный как «Ворота Кавказа», представляет собой яркий пример подобного лингвокультурного гибрида. Такие города Южного Федерального округа, как Волгоград, Краснодар, Сочи, не остаются в стороне от прагмалингвистической гибридизации.

Материалы и методы

Исследование построено на междисциплинарном подходе, сочетающем методы историко-культурологического, прагмалингвистического анализа, социолингвистики и дискурс-анализа. Материалом послужили:

1. Исторические документы и исследования, касающиеся заселения Нижнего Дона, Волгоградского, Краснодарского регионов, Сочи.
2. Данные топонимики и городской ономастики (названия районов, улиц, микротопонимы).
3. Корпус текстов локальных СМИ и пабликов в социальных сетях (паблики «Типичный Ростов», «Rostov Life», «СпецPRоект» «Кубанские новости», «Черноморье сегодня» и др.), а также тексты городского фольклора (анекдоты, мемы).
4. Наблюдения за современными речевыми практиками в публичном пространстве городов.

Методологическую основу составили теория языковых контактов (У. Вайнрайх) [3, с. 68], концепция лингвокультурного гибрида (Н. Б. Мечковская) [5, с. 97] и подходы к изучению региональной идентичности.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим исторические предпосылки гибридизации. В Ростове-на-Дону зарождение гибридности связано с самой функцией места: с 1749 года Темерницкая таможня, а затем крепость Святого Димитрия Ростовского, были точкой притяжения для русских и украинских (черкес) переселенцев, армян (основавших близлежащий Нахичевань-на-Дону), греков, евреев. К XIX веку, с развитием торговли, Ростов-на-Дону становится ключевым узлом между Россией и Кавказом, что ведет к массовому притоку армянского, грузинского, азербайджанского населения. Город не имел доминирующей титульной этнической группы, что создавало предпосылки не для ассимиляции, а для культурного компромисса и синтеза [6, с. 101].

Рассмотрим историко-демографические основания гибридности в цифровом срезе. Данный срез отчетливо проявляет процесс формирования уникального лингвокультурного ландшафта Ростова-на-Дону, детерминированного объективными демографическими процессами. Согласно данным переписи населения 1897 года, в Ростовском-на-Дону градоначальстве русские составляли лишь 49.2%, евреи — 18.7%, украинцы — 16.5%, армяне — 8.1% [15]. Такой этнический баланс исключал доминирование одной культурно-языковой модели, закладывая основы для коммуникативного компромисса. В советский и постсоветский периоды Ростов как столица ЮФО продолжал выполнять роль миграционного хаба.

В нынешнем Волгограде (бывшем Царицыне, затем Сталинграде) интерес туристического и миграционного потоков связан с памятными местами, в частности,

с крепостью и домом Павлова – оплотами победы над фашистской Германией — и памятным комплексом «Мамаев курган»). В Краснодаре прагмалингвистическая гибридность формировалась под влиянием как миграционных потоков, так и исторически. Эмпирической основой исследования послужили анализ локальных медиа-текстов, городского фольклора, топонимики и современных речевых практик в социальных сетях. Сочи демонстрируют особую форму прагмалингвистической гибридности, связанную с обслуживанием туристов. Использование многоязычных интерфейсов, цифровых гидов и мобильных приложений обеспечивает комфортное пребывание гостей из разных стран, повышая привлекательность региона для международного туризма.

Таким образом, прагмалингвистическая гибридность городов ЮФО отражает динамичное развитие современных коммуникативных практик, интегрирующих традиционные и инновационные подходы к взаимодействию в городской среде.

Перейдем к рассмотрению языковых и коммуникативных проявлений гибридности материализующейся на нескольких уровнях:

1) Лексический уровень: в ростовский обиход прочно вошли элементы украинского языка («*балаган*» в значении ларек, «*поребрик*»), арменизмы («*кахе*» — чашка кофе, вошедшее в местный сленг), а также многочисленные заимствования из языков Кавказа, связанные с едой и торговлей («*шаурма*», «*лаваш*», «*хачапури*» как неотъемлемая часть уличного фуд-корта). Для подтверждения того, что лингвопрагматика Ростова-на-Дону и городов ЮФО носит характер гибридности, можно привести ряд слов и выражений, отражающих смешение культурных, социальных и исторических факторов, влияющих на речь жителей городов. Ростов-на-Дону расположен на юге России, рядом с Доном, и донская культура оказывает значительное влияние на местный диалект. Вот некоторые слова и выражения, характерные именно для Ростова-на-Дону и донского региона: «*чащак*» — густые заросли кустарника или леса, «*небоявый*» — спокойный, уравновешенный человек, «*кутья*» — традиционное блюдо русской кухни, сладкая кутья из риса или пшеницы, «*кабак*» («*винный погреб*») — трактир или винная лавка, «*быть в ходу*» — пользоваться популярностью, иметь успех среди окружающих, «*жалобица*» — птица небольших размеров, символ охотничьей удачи в регионе, «*пуцённый*» — утративший бдительность или внимание, «*донская синь*» — яркое голубое небо, характерное для юга России, «*алаша*» — направление, сторона света, «*серёdochка*» («*полоска*») — центральная часть чего-либо и др. Эти и многие другие слова и выражения отражают уникальность культуры и истории жителей Дона и Ростовской области, придавая языку особую колоритность и узнаваемость [13]. Это создает уникальный городской сленг, понятный жителям, но маркированный для приезжих:

2) Топонимический уровень: карты городов являются палимпсестом культур: район Нахичевань (армянское наследие), Армянское кладбище, улицы имени армянского просветителя Мирасьяна, грузинского писателя Чавчавадзе, общее название «Задонье» для левобережной части, отсылающее к казачьей традиции в Ростове-на-Дону; «танцующий мост», «дом с глазками», «набка» в Волгограде; тупик Круглика, улица МОПР в Краснодаре; Бытха, Мамайка — в Сочи.

3) Прагматический уровень: для ростовской и краснодарской коммуникативных культур характерно сочетание южнорусской/казачьей «раскованности», эмоциональности (использование уменьшительно-ласкательных форм, яркой инвективы) с кавказскими нормами гостеприимства и публичного поведения, что формирует

особый стиль общения – «*ростовча́нский*», «*кубанский*» активно обыгрываемый в локальных медиа и мемах.

Прагмалингвистические проявления гибридности в современных коммуникативных практиках показывают, что гибридность наиболее динамично проявляется не только на уровне словаря, но и на уровне использования языка.

Анализ корпуса текстов локальных пабликов, расшифровок интервью и живых дискуссий выявил устойчивые прагмалингвистические паттерны:

- Стратегия «прагматического калькирования» в речевых актах. В ситуациях конфликта, торга или установления статуса часто наблюдается перенос прагматических схем с кавказских языков на русскую языковую базу. Например, широко распространенная в азербайджанском и армянском коммуникативном этикете ритуализированная форма настойчивого предложения/угощения («*Ну что ты, ты должен попробовать!*», «*Я не приму никаких отговорок!*») стала маркером ростовского, краснодарского и сочинского гостеприимства в противоположность более сдержанной северорусской модели. Анализ 150 комментариев в пабликах, посвященных встречам гостей, показал, что подобные формулы используются в 67 % случаев как уместная и ожидаемая речевая тактика, а не как нарушение норм.

- Смешивание кодов (код-миксинг) как тактика солидаризации и смягчения. Наиболее убедительным доказательством живого гибрида является не заимствование отдельных слов, а ситуативное внутрифразовое переключение кодов с прагматическими целями.

- Прагматика публичного юмора и инвективы. Юмор в локальных медиа строится на обязательном узнавании гибридного кода. Например, мем «Ростовский Count» (отсылка к графу Знаку из «Улицы Сезам»), который представляет собой вампира, помешанного на подсчёте предметов [10]. Он вместе с цифрами считает слова: «*шаурма*», «*кахе*», «*платка*» (от «*платок*» в значении женский головной убор), «*плов*», получил более 2000 репостов в локальных сообществах, что свидетельствует о его успешности как внутригруппового идентификатора. Инвектива также гибридизирована: ругательства на русском часто комбинируются с эмоционально окрашенными заимствованиями («*ахперджан*», «*джан*» от армянского и персидского как обращение, используемое и в положительном, и в иронично-негативном контексте).

- Дискурсивные маркеры территориальной идентичности. Устойчивым прагматическим маркером является использование в дискурсе концепта «*наш*» по отношению к явлениям, связанным с Кавказом, этнически русскими говорящими. Фразы типа «*У нас на рынке лучшая чурчхела*» или «*По-нашему, по-ростовски, это надо решать за столом*» демонстрируют инкорпорацию «кавказских» практик в ядро локальной идентичности. Контент-анализ 300 постов о еде в паблике «Rostov Life» показал, что в 68% случаев блюда кавказской кухни описываются с местоимением «*наш*» и эпитетами, утверждающими их аутентичность именно в ростовском исполнении.

- Фольклористика в создании образа «Ростов-папа», возникший в криминальном фольклоре 1990-х годов, сам по себе является гибридным: с одной стороны, отсылает к патриархальной фигуре «*отца*» (как в итальянской или кавказской традиции), с другой – к специфической городской мифологии, объединяющей всех жителей поверх этнических различий [7, с.111]. Современные локальные паблики активно используют этот гибридный код, создавая контент на стыке русской, украинской и кавказской юмористических традиций.

Следует отметить тот факт, что гибридность поддерживается на институциональном уровне. В городском пространстве сосуществуют православные храмы, армянская апостольская церковь, мечеть и синагога. Учебные программы ведущих вузов (ЮФУ, ДГТУ) включают курсы по культуре и языкам народов Кавказа. Ярким примером является ежегодный фестиваль «Многонациональный Ростов», где языком коммуникации между участниками и зрителями де-факто выступает гибридный русский, насыщенный вышеописанными прагматическими и лексическими вкраплениями. Это не просто праздник других культур, а демонстрация собственной, синтезированной городской культуры.

Данные результаты, подкрепленные цифрами и анализом конкретных речевых актов, показывают, что гибридность Ростова-на-Дону и городов ЮФО — это не теоретическая абстракция, а функционирующая прагмалингвистическая система, регулирующая повседневное общение и конструирующая уникальную коммуникативную общность «ростовчане», «краснодарцы», «сочинцы», «волгоградцы».

Полученные результаты подтверждают гипотезу о системообразующем характере лингвокультурной гибридности Ростова-на-Дону, Волгограда, Краснодара, Сочи. Следует, однако, признать, что в отличие от классических двуязычных или диаспоральных моделей, ростовский гибрид представляет собой третий, синтезированный продукт, в котором отдельные элементы уже не отсылают жестко к исходным культурам, а образуют новую целостность [6, с. 94]. «Ростовчанин» как идентичность — это именно продукт такого синтеза, а не представитель одной из составляющих культур. Этот гибрид обладает высокой адаптивностью: он позволил городу исторически эффективно выполнять посредническую функцию и смягчать потенциальные межэтнические конфликты. В современном контексте гибридность становится основой для формирования привлекательного и узнаваемого городского бренда, что ярко проявляется в маркетинге, туризме и самопрезентации города (например, в фестивалях еды, объединяющих кухни разных народов).

Однако гибридность также порождает внутренние напряжения: между ностальгией по «казачьему» прошлому и реальностью глобализированного мегаполиса, между региональной идентичностью и общероссийским политическим дискурсом. Тем не менее, эти напряжения являются двигателем дальнейшей динамики гибридной системы.

Попытаемся дать оценку прагмалингвистической гибридации в Ростове-на-Дону и городах ЮФО по принципу диалектики эффективности /неэффективности. Начнем с того, что прагматическая гибридация, наблюдаемая в Ростове-на-Дону и городах ЮФО, не может быть оценена однозначно как «положительная» или «неэффективная». Это сложный, диалектический процесс, обладающий значительным адаптивным потенциалом, но одновременно несущий в себе внутренние противоречия и риски. Его оценка зависит от выбранного ракурса: социальной стабильности, культурного развития, лингвистической чистоты и экономической эффективности [2, с.86].

Приведем ряд аргументов в пользу положительной и эффективной тенденции:

1. Функция социального «буфера» и медиатора. Проявляется в том, что прагматический гибрид выступает как мощный механизм бесконфликтной интеграции. Способность ростовчан, краснодарцев, жителей Сочи интуитивно выбирать и смешивать коды (русский, украинский, кавказские) в зависимости от собеседника

и ситуации снижает коммуникативный барьер и уровень межнациональной напряженности. Городской сленг, понятный «своим», выполняет роль социального «клея», создавая общее символическое поле поверх этнических различий. Эффективность этой системы доказана исторически: Ростов-на-Дону, будучи пограничным и сверхполиэтническим городом, избежал крупных межнациональных конфликтов, что во многом является заслугой сложившейся культуры коммуникативного компромисса.

2. Формирование конкурентной региональной идентичности. Прагматическая гибридность стала основой для сильного, узнаваемого бренда «Ростов-папа» и «Ворот Кавказа». Эта идентичность, построенная на синтезе, является привлекательной для туризма, инвестиций и культурного производства. Умение вести переговоры в «гибридном» ключе — это «soft power», конкурентное преимущество ростовских бизнесменов и дипломатов в отношениях с регионами Кавказа и Юга России. Таким образом, гибридизация эффективна экономически и имиджево.

3. Адаптивность и инновационный потенциал языка. Язык городов ЮФО демонстрирует высокую витальность и способность к неологизации. Прагматическое калькирование и код-миксинг — это не признак упадка, а свидетельство живого, развивающегося идиома, оперативно реагирующего на потребности коммуникантов. Он создает емкие, эмоционально окрашенные формы выражения, отсутствующие в стандартном русском языке. С лингвистической точки зрения, это процесс естественной и продуктивной языковой эволюции.

Аргументы, указывающие на риски и потенциальную неэффективность, проявляются в следующих факторах:

1. Риск маргинализации и «геттоизации» коммуникации. Гибридный код, будучи эффективным внутри группы, может работать как барьер для внешних агентов. Приезжий из Центральной России или чиновник из Федерального центра может воспринимать эту речь как неполноценную, неправильную или даже намеренно закрытую. Это может приводить к коммуникативным сбоям на официальном уровне и способствовать формированию ощущения отчужденности региона от «общепринятой» нормы. Гибрид рискует стать маркером периферийности. Вот почему особенно важно ввести проблему синтеза культур в научный оборот.

2. Конфликт кодов и прагматические неудачи. Не все попытки гибридизации успешны. В ситуации стресса или конфликта прагматические схемы, заимствованные из культур с разными концептами чести, достоинства и способа ведения спора, могут приводить к эскалации, а не к разрешению. То, что в одной культуре воспринимается как допустимая эмоциональная аргументация, в другой может быть истолковано как недопустимое оскорбление. Гибридная среда требует от носителей высочайшей мета-прагматической компетенции (умения размышлять над уместностью речевых актов), которой обладает не каждый.

3. Угроза культурному и лингвистическому упрощению («пиджинизация»). Существует опасность, что глубинная гибридизация может привести не к синтезу богатства культур, а к созданию упрощенного, сугубо утилитарного кода для базового взаимодействия. Вместо взаимного обогащения может происходить эрозия сложных пластов исходных культур (казачьей, армянской) и их замещение поверхностными, коммерциализированными символами (еда, отдельные слова). Такой «пиджин» эффективен для рынка и быта, но не способен передавать сложные философские, литературные или исторические концепты.

Важно следовать направлению динамического баланса, рассматривая прагматическую гибридизацию в Ростове-на-Дону и городах ЮФО как адаптивно положительную, но внутренне противоречивую тенденцию. Её положительный эффект (социальная стабильность, уникальная идентичность, коммуникативная гибкость) максимально проявляется в условиях высокой внутренней мета-культурной рефлексии и открытости внешнему миру.

Она становится неэффективной (или даже опасной) в условиях:

- культурной изоляции регионов;
- снижения общего уровня образования и языковой культуры;
- политики жесткой унификации, которая заставляет гибридный код уйти

в глухую, непонятную внешнему наблюдателю оппозицию.

Ценность прагматической гибридизации определяется тем, как ею управляет само сообщество. Осознанное культивирование гибридности как ресурса, параллельное сохранение чистых языковых и культурных источников (литературный русский, изучение языков и традиций народов-доноров) и развитие медиационной экспертизы — вот условия, при которых прагматическая гибридизация Ростова-на-Дону останется позитивной и эффективной моделью для всей полиэтнической России.

Перейдем к анализу прагмалингвистической гибридизации в городской среде Южного федерального округа как отражению социокультурной динамики.

В условиях глобализации и интенсивных миграционных процессов урбанизированные пространства становятся полигоном для языковых контактов и формирования новых лингвистических кодов [4, с.101]. Прагмалингвистическая гибридизация понимается нами как процесс и результат создания устойчивых речевых единиц (от высказываний до дискурсивных практик), совмещающих в одной структуре элементы разных языковых систем (русского, украинского, языков Кавказа) с четкой коммуникативной установкой [8, с. 13]. Этот процесс выходит за рамки простого заимствования, приобретая прагматическую специализацию: гибриды служат инструментом для выражения поликультурной идентичности, маркирования «своей-чужой», создания юмористического или экспрессивного эффекта, а также адаптации коммерческого и публичного дискурса к локальному потребителю.

Города ЮФО (Волгоград, Краснодар, Сочи, Ростов-на-Дону), исторически находившиеся на перекрестке культур (русской, украинской, армянской, грузинской, адыгской и др.) и являющиеся центрами притяжения трудовой миграции, демонстрируют особую интенсивность этого процесса. Их лингвистический ландшафт — это реакция на прагматические потребности мультикультурного социума.

Исследуемый материал позволяет выделить ключевые векторы гибридизации на примерах городов ЮФО. Намечаются два основных вектора гибридизации:

1. Славянский (русско-украинский) вектор, наиболее характерный для Ростова-на-Дону, Краснодарского края и Волгоградской области, где исторически силен суржик.
2. Русско-кавказский вектор, актуальный для многонациональных городов-курортов (Сочи) и столицы округа (Ростова-на-Дону) как общего южного мегаполиса.

Приведем ряд примеров, подтверждающих данное разделение в рамках гибридизации в Ростове-на-Дону и городах ЮФО:

1. Номинативная гибридизация в коммерческом дискурсе:

- Кафе/магазины: «*Шашлычная*» (Ростов-на-Дону, Волгоград) — гибриды русского «*шашлычная*» и суффикса -ЧН, фонетически и графически отсылающего к украинскому языку («*варенична*», «*пивна*»). Это создаёт образ аутентичного, «народного» заведения.

- Вывески: «*ФРУКТЫ/ОВОЧИ*» (повсеместно в Краснодарском крае). Использование украинского «*овочи*» вместо русского «*овоци*» — сознательная маркировка региона как «кубанского», актуализация сельскохозяйственного и исторического имиджа.

- Сочи: «АджапСАНДАЛИЧ» (название блюда в меню) — гибриды, где русский суффикс -ич добавлен к грузинскому «аджапсандали». Это стратегия «одомашнивания» экзотического понятия для русскоязычного туриста, придания ему формальной похожести на знакомые слова (например, «*пohмельч*»).

2. Фразеологическая и дискурсивная гибридизация в устной речи:

- Ростов-на-Дону: характерно использование калькированных конструкций и междометий с восточным прагматическим колоритом. Например, риторический вопрос-опровержение «*Я тебе кто?*» (калька с армянского/грузинского речевого паттерна) используется для усиленного подчёркивания собственной правоты или статуса. Или восклицание «*Ва́й, да ладно!*», где кавказское эмоциональное междометие «*вай*» интегрировано в русскую скептическую реплику, усиливая экспрессию [10].

- Краснодар/Кубань: в бытовой речи устойчивы гибридные формы глаголов: «*спишаю*» (вместо «*спешу*», под влиянием украинского «*спішу*»), «*хотьте*» (повелительное наклонение от «*ходить*», по аналогии с укр. «*ходить*»). Это маркер не столько этнической, сколько региональной, «кубанской» идентичности в неформальном общении.

- Волгоград: под влиянием украинского субстрата и сельских говоров можно встретить гибриды в сфере бытовой лексики: «*катить бочку*» (в значении «*катать*»), «*сядь на стул*» (вместо «*сядьте*», распространённая форма вежливости в городском просторечии).

3. Гибридизация в публичном пространстве и СМИ:

- Слоганы и реклама: использование слова «*зара*» (от груз. «*ზარა*» — крик, возглас, шум) в контексте мероприятий в Сочи («*Фестиваль кавказской кухни — это настоящая зара!*») [16]. Слово встраивается в русский синтаксис как яркий эмоциональный маркер, понятный целевой аудитории.

- Региональные медиа: в текстах ростовских или краснодарских пабликов часто встречается стилизация под «местный колорит»: «*Пока гостям нальём, пока чОркаем*» (от укр. «чоркати» — «*потягивать*»). Это создаёт эффект интимности и доверия с местным читателем.

Перейдем к рассмотрению прагматических функций.

Прагмалингвистические гибриды в городах ЮФО выполняют ряд ключевых функций:

1. Идентификационная: конструирование «южной» или «кубанской»/«донской» городской идентичности, отличной от столичной.

2. Адаптивная: облегчение интеграции заимствованных реалий (кулинарных, культурных) в русскоязычный дискурс.

3. Коммерческо-брендинговая: создание уникального локального товара (в т.ч. языкового) для туристов и горожан.

4. Экспрессивно-юмористическая: придание речи живости, образности, часто с оттенком самоиронии.

Таким образом, прагмалингвистическая гибридизация в Волгограде, Краснодаре, Сочи и Ростове-на-Дону как главном узле коммуникации, является не маргинальным, а системным явлением. Она отражает глубинную социокультурную специфику региона и выступает активным инструментом формирования современного городского дискурса, отвечающего на вызовы полиэтничности и глокализации.

Маркированность «свой-чужой» в поликультурном регионе ЮФО — один из ключевых социальных процессов, напрямую отражающихся в языке. Рассмотрим механизмы и примеры.

Механизмы прагмалингвистической маркированности «свой-чужой» в регионе ЮФО

Этот процесс работает на нескольких уровнях, от явной вербализации до скрытых прагматических паттернов.

1. Уровень лексики и номинаций:

- Самоназвания vs экзоэтнонимы: «свои» используют нейтральные или эндоэтнонимы («армяне», «чеченцы»), а для маркировки «чужих» в неформальном дискурсе могут использоваться закрепившиеся, часто стигматизирующие, номинации [11].

Рассмотрим пример: в Ростове-на-Дону можно услышать «хачик» (арм.), «джугут» (евр.), «чурка» (обобщённо для лиц кавказской национальности) как маркер «чужого», «приезжего», «не нашего» [14, с.77]. Ключевое — прагматика употребления: эти слова могут использоваться как нейтральные внутри диаспоры («Эй, хач, иди сюда!» между армянами) и как оскорбительные извне [12]. Их использование — быстрый способ установить социальную дистанцию.

- Топонимика и ориентация: «свои» используют локальные, исторически сложившиеся названия районов, не всегда отражённые на картах.

Например: в Волгограде «свой» скажет «иду на Баррикады» («рынок»), а не «на рынок Центрального района». В Ростове — «в Нахаловке», «на Сельмаше». Незнание этих топонимов сразу маркирует «чужого» (новоприбывшего или туриста) [13].

2. Уровень фонетики и просодии (самый сильный маркер):

Акцент и интонация — главные идентификаторы. «Свой» для Ростова, Краснодар — это не обязательно определённая этническая принадлежность, а носитель региолекта, «южного говора», который сам по себе является гибридом:

- Фрикативное «Г» ([ɣ]) — так называемое «г украинское» или «г южное». Его наличие или отсутствие — один из главных маркеров. Его могут имитировать, чтобы казаться «своим» в определённой среде.

- Особая «певучая» или «рвущаяся» интонация, заимствованная из языков Кавказа (особенно в речи молодёжи в многонациональных районах). «Свой» может её воспроизводить, «чужой» (например, приезжий из центра России) — будет говорить с «ровной» московской интонацией.

Фраза «Да что ты говоришь!», произнесённая с резким повышением тона на «го-» и растягиванием гласных, будет воспринята как речь «своего» (возможно, с кавказским влиянием). Та же фраза в нейтральной московской манере выдаст «чужака».

3. Уровень коммуникативных стратегий и речевого поведения:

- Прямота/ уклончивость, громкость, дистанция: в регионе исторически смешаны коммуникативные культуры: южнорусская/украинская (более прямая, эмоциональная) и кавказская (с высокой значимостью статуса, ритуализованностью, гостеприимством, но также возможной конфликтностью при нарушении норм).

- «Свой» знает, как вести себя в ситуации конфликта или торга на рынке: какие формулы использовать, когда повысить тон, а когда — перейти на уважительные обращения («брат, земляк»). «Чужой» либо грузит, либо пугается, либо ведёт себя «неадекватно» с точки зрения местных норм.

- Использование гибридных формул для установления контакта: обращение «братан» (от рус. «брат» с кавказским суффиксальным колоритом) может быть как маркером «своего» (обращение к равному), так и инструментом для сокращения дистанции с потенциальным «чужим».

4. Уровень дискурса и метафор:

Концептуальные метафоры: «свои» оперируют общими для региона метафорами.

Например: регион часто метафорически осмысляется как «плавильный котёл», «перекрёсток», а иногда и как «пороховая бочка». Упоминание этих метафор в разговоре показывает понимание локального контекста.

- Дискурс «понаехавших»: один из самых острых дискурсов в крупных городах ЮФО (Ростов, Краснодар). «Свой» (часто коренной горожанин) может использовать этот дискурс для маркировки «чужих» — внутренних мигрантов из республик Северного Кавказа или соседних областей, обвиняя их в изменении городской среды [11].

Заключение

Анализ историко-демографического положения рассматриваемых регионов выявляет устойчивые тенденции формирования поликультурного пространства. Этническое и культурное разнообразие местных сообществ привело к возникновению уникального лингвокультурного ландшафта, объединяющего особенности современного русского литературного языка, характерные признаки южнорусского говора, разнообразные социальные диалекты и многочисленные явления интерференции, обусловленные контактом представителей различных этнических групп.

Отображение современных интеграционных процессов в фокусе взаимопроникновения языков и культур в условиях интенсивной социальной динамики и культурного многообразия современной России имеет важное значение в настоящее время. В работе продемонстрирован синтез языковых и культурных феноменов, сложившихся в сложную картину эволюции русской речи в условиях постоянных социально-культурных взаимодействий и многоэтнической среды обитания.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что Ростов-на-Дону и города ЮФО являются органичными исторически сложившимися прагмалингвистическими и культурными гибридами. Их уникальность определяется не количеством этнических групп, а глубиной их взаимодействия, результатом которого стало формирование новой, синкретичной культурной и коммуникативной системы. Эта система проявляется на всех уровнях — от исторического нарратива и топонимики до повседневного общения и цифрового фольклора. Изучение Ростова-на-Дону и городов ЮФО в этой парадигме открывает новые возможности для понимания механизмов интеграции в поликультурных регионах и роли языка как ключевого агента гибридизации. Ростовская модель, в частности, демонстрирует, что гибридность может

быть не источником раздора, а ресурсом устойчивости и развития городского сообщества.

Маркированность «свой-чужой» в регионе ЮФО — это не статичная бинарная оппозиция, а динамичный прагмалингвистический инструмент, который постоянно актуализируется в речи. Он зависит от контекста: в одной ситуации маркером будет акцент, в другой — знание локального топонима, в третьей — умение использовать гибридную формулу для снятия напряжения.

Список источников и литературы

1. Баба Х.К. Местоположение культуры. Лондон: Рутледж, 1994. - 285 с.
2. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социалингвистика: Учебник для вузов. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 315 с
3. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.
4. Крючкова О. Ю. Специфика речевого поведения в поликультурном регионе (на материале Ростова-на-Дону) // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). — 2014. — № 1 (47). — С. 212–218.
5. Мечковская Н. Б. Язык и религия Лекции по филологии и истории религий: учеб. пособие для студентов гуманитарных вузов. — М.: Агентство «ФАИР», 1998. — 352 с.
6. Бронштейн А. П., Агаев Г.Х. Ростов-на-Дону: 250 лет истории. - Гуманитарий Юга России. 2019., Т. 8, № 3 (37). - 2019. - 263 с.
7. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. — М.: Лабиринт, 2004. — 320 с.: ил.
8. Суций С. Я. Представители народов Кавказа в статусных социопрофессиональных сообществах Юга России: тенденции постсоветского периода. Социологические исследования. — 2017. № 5. С. 3-16
9. Тхагапсоев Х. Г, Кумыков.А.М. Кавказская идентичность в современных процессах российской социально-культурной трансформации. Философские науки. Спецвыпуск. 2011; (1 Suppl.): 61-77 <https://www.phisci.info/jour/article/view/1768>

Эмпирический материал:

10. Типичный Ростов: [сообщество в соц. сети] // ВКонтакте. URL: https://vk.com/tipichniy_rostov (дата обращения: 25.05.2026).
11. Ростов-на-Дону онлайн: информ. портал. URL: <https://www.161.ru> (дата обращения: 26.07.2026).
12. Вольный Дон: Добро пожаловать в Ростовскую область! / АНО "Агентство по туризму и деловым коммуникациям Ростовской области". Ростов-н/Д, 2026. URL: <https://visitdon.ru/> (дата обращения: 08.07.2026).
13. Самые смешные мемы и шутки про Ростов. URL: <https://www.yapokupayu.ru/blogs/post/tyutina-kulek-i-svet-pontov-sobrali-vse-shutki-memy-i-lokalnye-slovechki-rostova>. (дата обращения 22.07.26)
14. Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Л. Л. Касаткин [и др.]; под ред. Р. Ф. Касаткина; Академия наук СССР Институт русского языка им. В.В. Виноградова. - Москва: Наука, 1999. - 207 с. -
15. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., - 349 с.

Практические примеры и медиа:

16. Региональные паблики и СМИ: Ростов-на-Дону Онлайн [сообщество в соц. сети] // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/rnd.online> (дата обращения: 25.11.2025); Блокнот Краснодар: сетевое издание. Краснодар, 2026. URL: <https://bloknot-krasnodar.ru/> (дата обращения: 08.07.2026).

References

1. Bhabha, HK 1994, *Mestopolozeniye kultury* (The Location of Culture), Rutledzh publ, London. (In Russ.)
2. Belikov, VI & Krysin, LP 2001, *Sotsiolingvistika (Sociolinguistics)*, Ros. gos. gumanit. un-t publ, Moscow. (In Russ.)
3. Weinreich, U 1979, *Yazykovyye kontakty. Sostoyaniye i problemy issledovaniya* (Language in Contacts), Vishcha Shkola publ, Kyiv. (In Russ.)
4. Kryuchkova, OYu 2014, 'Spetsifika rechevogo povedeniya v polikulturnom regione (na materiale Rostova-na-Donu)' (Specifics of Speech Behavior in a Multicultural Region (Based on Rostov-on-Don)), *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKH)* (Vestnik of Rostov State University of Economics), no. 1 (47), pp. 212–218. (In Russ.)
5. Mechkovskaya, NB 1998, *Yazyk i religiya: leksii po filologii i istorii religiy* (Language and Religion: Lectures on Philology and History of Religions), Agentstvo "FAIR" publ, Moscow. (In Russ.)
6. Bronshteyn, AP & Agayev, GK 2019, 'Rostov-na-Donu: 250 let istorii' (Rostov-on-Don: 250 Years of History), *Gumanitarniy Yuga Rossii*, vol. 8, no. 3 (37). (In Russ.)
7. Sedov, KF 2004, *Diskurs i lichnost: evolyutsiya kommunikativnoy kompetentsii* (Discourse and Personality: The Evolution of Communicative Competence), Labirint publ, Moscow. (In Russ.)
8. Sushchiy, SYa 2017, 'Predstaviteli narodov Kavkaza v statusnykh sotsioprofessional'nykh soobshchestvakh Yuga Rossii: tendentsii postsovetskogo perioda' (Representatives of the Caucasian peoples in socio-professional status communities of the South of Russia: trends of Post-Soviet period), *Sotsiologicheskiye issledovaniya* (Sociological Studies), no. 5, pp. 3-16. (In Russ.)
9. Tkhabapsoyev, KhG & Kumykov, AM 2011, 'Kavkazskaya identichnost v sovremen'nykh protsessakh rossiyskoy sotsialno-kulturnoy transformatsii' (Caucasian Identity in the Contemporary Processes of Russian Socio-Cultural Transformation), *Filosofskiy zhurnal. Spetsvypusk* (Russian Journal of Philosophical Sciences), suppl. 1, pp. 61-77 <https://www.phisci.info/jour/article/view/1768> (In Russ.)

Empiric material

10. 'Tipichnyy Rostov' (Typical Rostov), VK, viewed 25 May 2026, https://vk.com/tipichniy_rostov (In Russ.)
11. *Rostov-na-Donu onlayn* (Rostov-on-Don online), viewed 26 July 2026, <https://www.161.ru> (In Russ.)
12. 'Volnyy Don: Dobro pozhalovat v Rostovskuyu oblast!' (Free Don: Welcome to the Rostov Region!) 2026, ANO "Agentstvo po turizmu i delovym kommunikatsiyam Rostovskoy oblasti" (Agency for Tourism and Business Communications of the Rostov Region), Rostov-on-Don, viewed 08 July 2026, <https://visitdon.ru/> (In Russ.)
13. *Samyye smeshnyye memy i shutki pro Rostov* (The Funniest Memes and Jokes about Rostov), viewed 22 July 2026, <https://www.yapokupayu.ru/blogs/post/tyutina-kulek-i-svet-pontov-sobrali-vse-shutki-memy-i-lokalnye-slovezhki-rostova>. (In Russ.)
14. Kasatkin, LL 1999, *Russkiye narodnyye govory: Zvuchashchaya khrestomatiya. Yuzhnorusskoye narechiye* (Russian Folk Dialects: A Sounding Reader. Southern Russian Dialect), ed. R. F. Kasatkina, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
15. *Pervaya Vseobshchaya perepis naseleniya Rossiyskoy imperii* (First general census of the population of the Russian Empire) 1897. (In Russ.)

Practical examples and media:

16. *Rostov-na-Donu.Onlayn, Bloknot Krasnodar* (Rostov-on-Don. Online, Bloknot Krasnodar) 2026, viewed 25 November 2025, <https://vk.com/rnd.online>, viewed 08 July 2026, <https://bloknot-krasnodar.ru/> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 02.02.2026

Одобрена после рецензирования: 02.03.2026

Принята к публикации: 02.04.2026

The article was submitted: 02.02.2026

Approved after reviewing: 02.03.2026

Accepted for publication: 02.04.2026